

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

Е

И

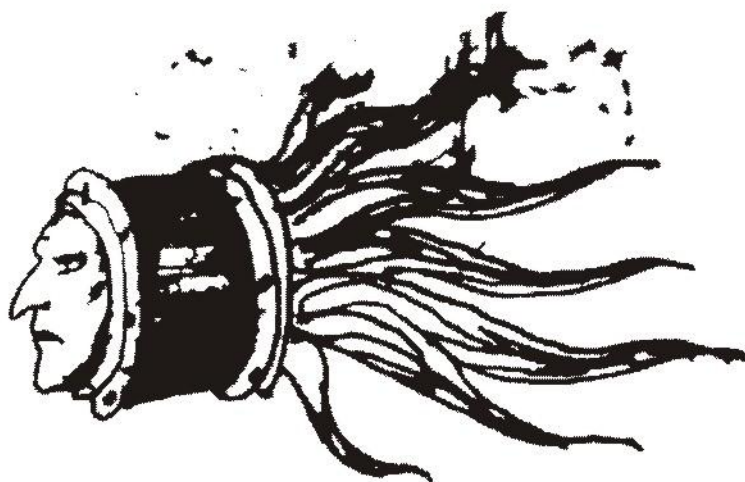
А

Литературный

Альманах

Народа Звезды

Вып. 29. МАРИЯ АНТУАНЕТТА
МАРИЯ СВЕРЧОК

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 29.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Мария Антуанетта
Мария Сверчок

Algidus
(рисунки на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Дария

Аннотация

* * *

Бычок — в окно, лицом к стене,
Пустая серость коридора...
Всегда одно — тебе и мне —
Фальшивый стёб, смешки, укоры...

Бескрылость птиц, пожар стекла,
Последний выдох — шаг в петлю...
Паденье ниц, не помня зла,
И звук последнего *люблю*...

Два шага

Закуталась в чёрную шаль.
Выбежала на крыльцо,
Ладонью закрыв лицо.
Под уличный тусклый фонарь.

Казалось — его шаги,
Казалось — пришёл опять.
Чуть-чуть — и счастливой стать.
Только не видно ни зги.

Два шага — от света прочь,
Два шага — конец игры,
Два шага — чужие дворы.
Два шага в тёмную ночь.

Два шага — он был бы рад.
Я знаю, что я права.
Теперь ни к чему слова:
Нет больше пути назад.

До весны

В дрожащем пламени свечи
Мелькают траурные тени
Прошедших шумных дней рождений.
И сердце медленно стучит.

Под низким небом Кёнигсберга,
Свинцово-синим, как всегда,
Идут, идут мои года
Без солнца, счастья, без просвета.

Мелькают дни, чужие сны
И вереницы впечатлений.
Я знаю вечером осенним,
Что не дожить мне до весны...

* * *

Зелёный призрак избитых песен
Ломает копыя, стремясь ударить.
А мне не страшно, я зол и весел,
Мне дарит силы больная память

О том, что было давно и горько,
Что струйкой крови текло из раны.
Бессильный призрак с фальшивой болью,
Идущий верно в мои капканы...

* * *

Зимой легко умирать:
Стучит в окно моё дождь,
Серого неба гладь,
Воздуха тонкая дрожь.

Ветви деревьев черны,
Ярки огни витрин,
Странные светлые сны,
Равнодушные спин...

Не поднимая глаз,
Словно на эшафот:
Может быть, в этот раз
Мне повезёт...

* * *

Из окон автобуса — спальный район
И улицы чьих-то забытых имён,
Высокие стены и низкое небо,
И шумные дети из школы к обеду.

Любуясь из окон чужими домами,
Чужими улыбками, чуждыми снами,
Бескровные губы бессмысленно сжаты:
Гадаю, что было, что будет — когда-то...

И в инистом мраке декабрьской ночи
Мне кто-то недавно любовь напороочил.
Я верю — не верю, боюсь и мечтаю,
Я прячусь от жизни, минуты считая.

Зачем? Бесполезно. В тени остановок,
Исписанных белым, неловок и робок
Мой взгляд на предметы. Порывами ветра
Приносит лучи отражённого света.

Но где же рефлектор, спокойный и мёртвый?
На каменных стенах слова полустёрты:
Забавная фраза — believe in the future.
Я верю, но что же тогда меня мучит?

* * *

Километры и пыль недосказанных вовремя слов...
Слёзы чертят узор на горящих от ветра щеках...
Запах солнца — и маки кровавой улыбкой тепла...
Голос рвётся от страха, что ты не услышишь весь бред
Моих песен о выцветшем небе и мёртвой воде...

Крыши

Гуляю по краешку крыши.
Внизу спящий город дышит,
Слепит глаза фонарями,
Чужими пустыми огнями.

Кто-то вышел курить без куртки.
За мои смешные прогулки
Угостите меня сигаретой,
И давайте забудем об этом.

По-кошачьи гуляя по крышам,
Ожидая, что кто-то услышит,
Вычисляю по звёздам с надеждой,
Что случится, что будет как прежде,

Чья улыбка, чьё грубое слово
Оборвёт ожиданье иного.
Но, рассветы встречая на крыше,
Понимаю, что всё-таки выше

Этот город в молочном тумане
Всё зовёт, но поманит — обманет.
Одиночество — ржавые крыши
С каждым шагом всё тише и тише...

* * *

Молитвенным сумраком
В крошево в клочья
Изорваны души
И тонкий пергамент
Не выдержит жара
Твоих песнопений
Незримых осколков
Моих обещаний
И клятв покаянных
На мокрой брусчатке...
Скрипичным ключом
Отворяет ворота
Из Мира в Свободу
Я выкрикну: Больно
Прощаться навеки,
Но, может, так надо?

Окна

Бессмысленным взглядом
В немытые окна
Заглядывать поздно.
Ненужной угрозой,
Как приторным ядом,
Я чувствую: рядом
Есть кто-то, кому я не верю.
Беззубому зверю
Я в пасть с головою,
С надрывом завою.
Но тихо: вокруг никого.
Мне много не надо! Прошу одного.
Откройте мне окна!

Бессмысленным взглядом
Заглядывать внутрь.
Безумство и ступор,
Беззвучие крика,
Таинственность лика...
И свет фонарей
В прозрачность аллей.

Мне так одиноко!
Откройте мне окна!

* * *

Писать стихи на сигаретных пачках,
Считать ворон в тени Пяти Углов,
Считать любую ласку за подачку,
Не прерывать поток банальных слов,

Сомнением разрушить неизбежность,
Стрелой амура плавить синий лёд
И заглянуть в твои глаза с надеждой,
Сказав при этом только: «Всё пройдёт...»

А ночью в зеркалах читать молитвы
Каким угодно тайным божествам
И тонким лезвием опасной бритвы
Швырнуть свою любовь к твоим ногам,

И навсегда, на жизнь запомнить только
Дождливым зимним вечером без звёзд,
Такой глухой, невыплаканной болью
Такой бессмысленный, обыденный вопрос...

Подарок

Холодно утро севера.
Сумрачно солнце осени.
Ветки по небу веером.
Льдинки на губы моросью.

Боль ощущаю кожей я,
Ноги как будто ватные,
И у случайных прохожих
Лица за ворот спрятаны.

Сердце моё на асфальте,
Кровью по тротуарам.
Жизнь как сальто-мортале,
Как жестокий подарок.

Простите

Эгоистичный ребёнок
просто, задаром —
постольку, поскольку...
Люди, я к вам обращаюсь!
Мне больно!
Лбом о железную дверь,
головой о стены барака.
Кровь — это мелочь.
Сажу у порога,
жду, может, кто-то откроет.
Смелости нет стучаться.
Люди, я так вас любила.
Вы мне были нужны.
Вы и сейчас мне нужны.
Простите...

* * *

Холодные слёзы испуганных волн
В безмолвных тисках равнодушных камней...

Нария Зверчок

* * *

*Художник — не шваль, даже если стьяна
Мертвецки заснул на случайной подушке...*

Юнна Мориц

Актёры квасили по-чёрному,
Закусывая осуждением.
А подворотня прокопчённая
Вдыхала тайны вдохновения.

А рядом люди шли нормальные,
Смотря кто косо, кто участливо,
Ни капельки не гениальные,
Но этим запредельно счастливы.

Прочь жалость! Бей стекло, чтоб волнами
Очнулся мир от безразличия

.....

Когда-нибудь поймут довольные
Безмерность нищего величия

*Художник рождается из трагедии.
Живёт, пока чувствует тонко.
А умирает, когда позволяет себе забыть об этом.*

* * *

Был невесёлым первый день творенья,
Рождались звуки и не повторялись.
Никто не знал — какому вдохновенью
Обязан мир, его слепая завязь.

И свет молчал, не ведая, не чая
Рождённых согревать любви лучами,
Но божество просматривалось в вещи
И каждый сон оказывался вещим...

* * *

Э. А. К.
*Сегодня, я вижу,
Особенно грустен твой взгляд...*
Н. Гумилёв

Взгляни в окно — там свет и тишина,
Там иволга, качаясь на стебле, —
Внимательна, спокойна и смешна —
Не может не понравиться тебе.

Там ожерельем для твоих волос
С утра роса ложится на траву...
Пожалуйста, не прячь в ладони слёз —
Пусть полетят за иволгой в листву!

Пусть обернётся птица нотой *ми*
И растворится в музыке дождя... —
Ты нежными руками обними
Кого-то дорогого, уходя.

И так певуч склоняющийся день,
Что может только музыкой дышать
Шафранная легчайшая душа —
Тень бабочки, летящая на тень

Огня...

* * *

Взялись из музыки слова.
И странно! — я была жива? —
Когда их шелест различила...
А впрочем, жизнь меня учила:
Реальность — противоречива.
И — невозможна. И — права.

Виновата сама

Есть место, куда
Я уже никогда
Ни рукой за звонок,
Ни ногой за порог.
Разве сердцем —
(со всеми бывает...)
Но сердце в истерике
Рвёт провода:
Нельзя не вернуть-
ся (горда, не горда) —
Ведь прежних святых
Так скоро
Не забывают.

* * *

Включая свет, я вижу темноту,
В которой расплываются кругами
Оброненные фразы на лету...
И я-в-стекле чуть развожу руками:

Там остальной, на время тёмный, мир.
А с этой стороны поёт гитара,
И нет вина, богемы сладких лир,
И я тебе, прекрасному, не пара.

* * *

Влажные крокусы фиолетовы.
Душа, напоённая фиолетовым
акварельно-апрельским ветром —
у предела времени стоящая,
шлёт мгновения Настоящему,
и по воде памяти
идут круги...

Вне сравнения

Копытца времени стучат по мостовой,
По головам и по плечам прохожих,
Что катятся, на капельки похожи,
Не задевая неба головой,

По клавишам — без нот. Их каблуки
Стремительны, как стрелки в циферблате.
Сменяются, бегут часы и даты,
Непомнящи друг друга и легки.

Перелетая через сотни луж
И в миллионах брызгов отражаясь,
Они, вселенски самоустремляясь,
Не позволяют миру блажь и глушь...

А лес откинет волосы со лба,
Безмолвие — любимая судьба,
Где он в ветвях укачивает солнце
И бесконечность пьёт со дна колодца.

* * *

Вниз головой — и не о чем жалеть! —
Бросались листья, убоясь распада.
Над мостовой пылающая медь,
Негромко, но, по сути, так, как надо.

Ещё одна Последняя Любовь
Шептала упоительные строки...
Переиначив все земные сроки,
Душа летела выше облаков.

Была жива отброшенная тень,
Чернее, чем полярнейшие ночи,
И грохотали цепи многоточий,
В которых бился этот самый день.

Так словно струны рвутся провода
И льётся ток в открытое пространство.
Когда уже не страшно оборваться,
Судьба предельна, как небес вода.

Любовь смотрела пристально в глаза,
И от её пронзительного взгляда
Вдруг стало ясно — без неё нельзя.
А нет Любви, то и меня не надо.

* * *

В облако небо садится.
— Что там за облаком, Птица?
В Ваших печальных ресницах
Осень таится.
Вы, незабвенная Птица,
Долго мне будете сниться...

Тревожно и сиротливо, как осень,
Будет стучать в подоконник
Птичий сомнительный образ —
Образ бессонниц,
Колокол воли небесной,
Вечности ежесекундной,
На подоконнике смерти
Жизнью пребудет.
Болью моих одиночеств.
Всех утверждений...
И наказанье, и помощь —
Ласковый гений!
И наказанье, и помощь —
Птица святая!
Полночь. Лунная полночь.
Всё. Улетаю.

В стиле перевода

Услышь меня в дожде
Я хожу лишь на те собрания
Где тепло и кормят
Мне плевать на политические партии
Иностранцы не понимают
Слова мракобесие
Я не могу погладить кота
По шерсти он против
Из окон не видно улицы
Всё дождь
Зачем нужен зонт
Калоши не помогают там
Где воды по колено
Рыбы раскрывают рот беззвучно
Но Александрийский столп
Не выше полёта ангелов

* * *

Вы проплываете мимо
На белом пароходе,
И всё кажется Вам солнечным
И смеющимся — оттуда...
А я — на берегу.
И пока ещё можно
Прыгнуть на палубу
И остаться с Вами.
Я машу Вам рукой,
Пароход басом даёт два гудка...
И всё шире
 шире
речная гладь между нами...

Глаз Шестый

Р.К.

Да если и просить — то только сил,
Глухонемых влюблённых не обидеть.
Их светел свет, а не дано увидеть —
(Для зрячих глаз он так невыносим!

Так нелогичны очертанья рук,
На нет сводящих всяческие грани...)
Но сила притяжения бескрайней,
Чем бездны разрастающийся круг.

Им вместе — Рай, в любой из здешних дыр.
Оберегая берега безмолвий,
Они на ощупь знают этот мир,
Где говорящий слова не замолвит.

Храни их, невечерний тихий свет,
Избавленных от сумрачного тлена,
Не дай пошевелиться и задеть
Гармонии, нежнейшей во вселенной.

Два крыла одной молитвы

Неужели непонятно
Миллиону оправданий
Не найдётся оправданья

Улетая осторожней
Не разбей о небо голос
Неужели невозможно

В этом сумраке и свете
Одинаково и поздно
Головой о стенки биться

Улыбнёшься мир зелёный
Вспыхнет заново родившись
Поражая очевидцев

Получить благословенье
И раздать семи прохожим
И не требовать обратно

Только вместе мы и живы
А иначе быть не может
Неужели непонятно

До будущей весны
(год 1822)

Этот город приютит и тебя
На чахоточной груди площадей,
Здесь в невидимые трубы трубят
И ночами слышен храп лошадей.

Подрядишься зажигать фонари
Или свечи в небогатых домах,
Одиночество твоё сократит
Европейская сухая зима.

И камзол уже сойдёт за пиджак,
В равнозначной исчезающей толпе...
Но под музыку слепого дождя
Вновь захочется и плакать, и петь.

Этот город переменчив и строг —
(А чего бы ты, бродяга, желал)
Перекрестит перекрестьем дорог
И отпустит на поруки ветрам.

Но, целуя поржавевший карниз,
Растекаясь и звуча, как вода,
Обязательно в ответ улыбнись.
И, взлетая, не порви провода.

* * *

Е. Храмовой

Душа кленового листа
На перепутье чёрных веток
В часы последнего рассвета
Невозмутима и чиста.

А мир искрился золотым,
И на просвет виднелись дали,
Где душу лиственную ждали
И простирался лёгкий дым.

Земные радость и печаль
Закончились и отпустили.
И всюду слышалось «Прощай»,
Хоть было ясно, что простили.

* * *

Живой водой звенит стихотворенье,
В нём можно различить твою улыбку,
Как в глубине ручья — в одно мгновенье —
Является прообраз мысли зыбкой.

Твой голос бубенцом звенит весёлым,
Встревоженное сердце исцеляя.
Окружена туманным ореолом
Моя Любовь небесная земная...

И в бубенцовых перезвонах чистых
Являются старинные ответы,
И мне понятны всяческие смыслы...
И не страшны седые волны Леты...

* * *

*...и улыбалась боль
в крылатом теле...*
Ю.М.

Звук родившегося крыла так тих
И не слышен тем, кто вовне.
(Так часы порой говорят *так-тик*,
мягким шёпотом в полусне...)

Но высокой болью зажглась душа,
Свет пронзал её изнутри.
Чей-то голос пропел: научись дышать,
И тогда уж поговорим.

И потом, от лица четырёх стихий,
Наполняя мерцаньем дом,
Повелел мне от боли слагать стихи,
Улыбаться, чтоб жить с крылом.

Идеальная любовь

Ненаписанные строки — идеальны.
Будь ненаписанной строкой.
Сбывшаяся Любовь не вечна.
Будь несбыточен.
Обречённый летать,
Ты всегда тоскуешь по земле,
Молча складываешь крылья
И летаешь во сне.
Но это и мой сон,
А когда я проснусь,
Ты упадёшь
В распахнувшиеся
мои глаза
и...

И любовь...

Обрывается дыханье
каждую минуту,
Пью в проклятом ожиданье
горькую цикуту.

Смутно время, слепо сердце,
зорко провиденье:
Никуда тебе не деться
с этого мгновенья!

Будешь памятью сердечной,
будущим далёким,
Лёгким, солнечным и вечным
и неодиноким!

Ты вбежишь в седьмое небо
в таинстве минуты,
Поцелуй сорвёшь последний
с привкусом цикуты.

* * *

Таму, который...

Как ни смешно, но я сумела выплыть
Из бездны двух зелёных океанов.
Слепа, глухонема — сумела выбрать
Себя, минуя невод твоих планов.

Не рыбка золотая, — наудачу.
Вниз головой летела, но куда там:
Меня спасла врождённая кошачесть —
Я падала на все четыре лапы.

И вот танцую, прошлому не веря,
На прожитых фрагментах календарных.
Теперь уже ничто не выдаст зверя.
(Вот разве что оскал стихов бездарных.)

* * *

Капля боли, готовая кануть
В глубокую бездну сердца,
Раствориться в крови,
Изменить улыбку,
Дать прозренью душе —
Так желанна!
Но
Никогда
Не бывает каплей,
А всегда — океаном.

* * *

Косится из угла Печаль.
Она о том, что ты уехал.
Но я — на волоске от смеха,
Хоть Память брошенную жаль.

Она скулит и рвётся прочь
В тоске с цепи воспоминаний,
Её собачьих излияний
Не на одну достанет ночь.

Но искупленья — не хочу.
Душе так просто — за перила.
Себя давно я раздарила.
И обезличенно молчу.

* * *

Кричу! И вырастает крик
Над разверзающейся бездной.
Экзерсисы в последний миг
Не обращаются в поэзы.

И вянут бледные цветы
От жизни стылого дыханья:
(Немое чувство Красоты,
Ах, не годится в оправданье!)

Мучительные сотни лет
Душа звала своей минуты,
Но хохотал безвестный свет,
Безумно кланяясь кому-то.

Жалея перебитых крыл,
Кляня простёршуюся копоть,
Кричу, собрав остаток сил.
А слышен только жалкий шёпот.

Бегу по замкнутой кривой,
Что обладает свойством круга,
А небеса над головой
Бесстрастны. Простираю руки

И слышу: «На число людей
Единственный жестокий случай:
Не выпало тебе страстей.
Не майся. И других не мучай».

* * *

Лета уходящего
Мне не жаль нисколечко,
Пахнет Настоящее
Терпкой сизой горечью,
Августовы сумерки,
Яблоневы праздники,
Тени невесомые
От деревьев — разные.
Листья позолочены —
Наскоро одарены,
Ставни заколочены...

.....
Эхом заблудившимся
Лето в Лету кануло, —
Осенью откликнется...

.....
Птица странно-синяя
Смотрит — изваяние! —
Чётки дней рябиновых
Отсчитав заранее.

* * *

Летели две нелепой масти птицы,
Взращённые классической любовью.
Их очень человеческие лица
Светились вдохновеньем и любовью.

Прекрасные, не знавшие земного,
Богатые пророческим снами,
Исхода не желавшие иного,
Чем пасть на землю белыми стихами.

Любовь — непостижимейшее чудо —
Они несли светло и осторожно,
А мы ловили солнечное чудо,
И на земле порой любили тоже.

Линия жизни

Крестившись в дождевой купели,
Скрещённых рук не разнимали.
Благословляемые пели,
Благословляя, понимали.

А мир струился голосами
И был безумно интересен,
А мы, непознанные сами,
Узнали из грядущих песен,

Что синим морем на рассвете
Пройдём седыми стариками,
И подберут однажды дети
Разбросанные нами камни.

* * *

Межпланетные светились параллели...
Не печалюсь в одиночестве бескрайнем,
Плыл по Млечному Пути к далёкой цели
Неизвестный, улыбающийся странник.

На земле не задержавшись дольше срока,
Но исполнивши своё предназначенье —
Отбывал неугасимую дорогой.
Улыбался звёздному свеченью.

Вечно юн любовью бессмертной,
Облачён в нетленные одежды, —
Плыл, несомый кающимся ветром,
Под высоким парусом Надежды.

Мир Огня

*Навеяно одноимённой рок-группой
II поэзисом Элиаса Отиса*

Не искушённый взглядом саламандры,
Шагни в огонь, где с болью безвозвратных
Свистят — крамольно вскрикивая — мантры
Святые души плясунов канатных!

Шагни (о, да!) — узнаешь однобокость
И несмертельность жизни обратимой,
Которую ты променял на пропасть,
Всех пропастей проклятей и незримей!

И там (где отгоревший горький пепел
Взлелеянных твоих, потусторонних,
Осыпавшихся чувств — а только тронь их! —
Взметнётся под дыханием рассвета) —

Танцуй, земной отчаявшийся гений,
И против правил обретай свободу,
Чтоб за тобой грядущему народу
Не приходилось преклонять коленей.

* * *

Мне не простят невыстраданных строк
И торопливых глаз перед великим.
Пусть сбудется. Господь не так жесток,
Как нами нарисованные лики.

Спасибо за молчанье в темноте,
Когда никто не спал, и даже птицы
Пути не сокращали. И лишь те,
Которым не поётся и не спится,

Мне не прощали...

* * *

Может, помнишь ветер бесконечный,
Раскачавший небо над землёй?
Облако, упавшее на плечи,
Пахло Вдохновеньем и золой.

Облако! Обожжено и сиром,
Хоть, по сути, ласково, как дым...
Как мне с ним — обиженным, красивым,
Что мне делать с облаком моим?

* * *

Мой ангел бездомный, мой свет непрерывный!
Мы просто вселенски от жизни устали.

Ты кружишься снегом над Солнечным Садам,
Но путь твой неведом, и Лик — неразгадан.

Спускайся-ка ниже и сразу услышишь —
Как сердце тоскует под тяжестью крыши.

Ты — слово Господне, и это излечит,
Мой ангел Сегодня, стремящийся в вечность.

* * *

Мучительное право — быть собой!
С нас дорого берут за эту бытность.
Культурой побеждаем первобытность
И вновь за это платим головой.

Божественное право — быть собой!
Гармонии природной не нарушив,
Переиначить и глаза и уши
И стать травой, песчинкой и звездой!

И в той траве, песчинке и звезде
Увидеть суть сокрытого единства,
Понять святую радость материнства
Земли и Неба. Всюду и везде.

* * *

На чужом языке говорило усталое сердце
И чужими молитвами речь свою перемежало,
И, конечно, любило, и, может, хотело согреться...
Но не знаю, о чём это тёмное сердце страдало.

И ничем не помочь — языка неподвластна преграда,
Это сердце болит, и до боли неведомой болью,
Недоверчиво смотрит и бьётся — чудесное! — рядом, —
Одинокое сердце с неясной тоской и Любовью.

И никак не найти словаря, переводчика, что ли,
Не отыщешь ключей, как дороги в далёкое детство...
И живёт со мной рядом — приветливое поневоле —
Неоткрытое мне

Непонятое

Доброе

Сердце.

* * *

Небо начинается в душе,
Осознавшей надобность прозренья,
Ощувившей таинство паренья,
Беспредельность — в сложном вираже.

Небо просыпается едва
Синее — бездонное — морское,
Стоит лишь задеть слегка рукою —
Сонно поплывут из рукава
Острова Надежды и Покоя.

Сердцу — изъявление высшей Воли:
Небеса бездонные — лови! —
Для больной немислимой Любви
От святой пульсирующей боли.

Не оставляй меня так надолго

Р. К.

Просыпаться, не видя снов темноты помимо.
Не нуждаясь в тысяче окон с лицами за,
улыбаться воде зеркал — разгонять пантомимой
(где улыбкой томится рот и блестят глаза)

слюдяное безмолвие (но не иметь успеха) —
не обманешь течения в начале календаря,
телефон то поёт для других, и всегда — не к спеху,
то молчит твоим голосом несколько дней подряд.

Спускаться по лестнице, боль унося в затылке,
быстро кивнуть соседке, не вспомнив отчества... —
слушать, как воет ветер в пустой бутылке
на улице длинной и гулкой, как одиночество.

Не остановка

Мира и горя мимо
И.Бродский

Стоять
Непостижимо
Обманы
Обь
Обгоны
Всё
Мимо
Мимо
Мимо
Зелёные
Вагоны
Деревья-
Исполины
Заламывают
Руки
Мы
Все
Неисполнимы
Как
На
Гончарном
Круге
А это
Что
За местность
А что
Там был
За город
Слепая
Неизвестность
Застёгивает
Ворот
На том
И этом
Лишни
Не слушая
Не слыша
И Музыка
Всё глуше
И немота
Всё ближе

* * *

Не ревную тебя к адресатам стихов,
Вензелям прошловечным,
И готическим сводам, крадущим шагов
Эхо... Тёмных наречий

Безымянных богов, укрывающих суть,
Не бегу и не жажду —
Свету — литься, и в музыке — скрипке тонуть
И воскреснуть однажды.

Это свойство минора — рождать глубину
И тревожить уснувших.
Только сердце давно протянулось в струну
И озвучило души!

Подбери, если можешь, по слуху, по снам,
И откроется тайна —
Ля-мажорной судьбы безыскусны тона,
А Любовь — атональна!

Не ревную тебя к адресатам стихов,
Вензелям прошловечным,
И готическим сводам, крадущим шагов
Эхо...

* * *

Несостоявшаяся встреча —
Мне сотни лет гореть в огне.
Земные — зажигают свечи
В своём окне, в своём окне.

Благословен, недостижим
И вожделен чужой уют,
Где неизвестное читают
И неизвестное поют.

Внезапный проблеск, озаренье —
И сквозь агонию дождя
Увидишь этих жизней тленья...
...И улыбнёшься, уходя.

Нефилософское

Ходить привычными путями,
Не помышляя об иных.
Пересекая Лёбенихт,
Тревожить небо пустяками.

Не знать — зачем идёт зима,
Не позволять судьбе вершиться,
Быть бестолковой чёрной птицей,
Что на ловца летит сама.

Никакого утешения

Бездарно лето пролетело,
Как безыскусная соната.
Осело ситцевое тело
Безмолвными листьями на пол.

Не отогреть его мажором —
Всему свои, известно, сроки,
И осень главным дирижёром
Уже томится на пороге.

Сверчок, ни в чём не виноватый,
Наперекор всему стрекочет:
Он хочет возродить сонаты
Последней августовской ночи.

Ода Вселенской Любви

Не упусти явленье Божества.
И чутким сердцем встрепенись на зов:
Когда приходят нужные слова —
Благословляй Вселенскую Любовь.

И в сердце, обращённом к небесам,
Светло и беспечально сохрани
Сей Лик, в котором тысячи Осанн
И все твои стремительные дни...

Работай неустанно, как часы,
Во Имя Той, что смерти убежит...
И на её небесные весы
Крупицу своей жизнь положи...

Ода провожающему Солнце

*...так прозевали сегодня
эти пять миллиардов несчастных
волшебный, потрясающий закат солнца...*

Т. Яблокова

Блажен, кто не проспал закатный час,
Кто в этот миг любовью был отмечен,
И в сердце сохранил, увековечил
Заката заколдованный окрас!

Блажен, кто, не теряя простоты,
Сумел увидеть в таинстве великом
Не просто угасающие блики,
А редкие минуты красоты!

Блажен, кто заболел при сём душой
И с каждой пламенеющей минутой
Божественной, сладчайшей, — но — цикутой! —
Смог до предела смысл наполнить свой...

И после, погрузившись в темноту,
Не пустоту услышал, а звучанье —
Единственного космоса дыханье...
И далеко мерцавшую Мечту.

О поэтах

Один поэт
Писал стихами
Души.
Они смеялись,
Жили
И не спрашивали
А зачем
Нужна
Поэзия
?

* * *

Осенние ветры подобны философам древним:
Решают вопросы сезонного переустройства,
Вселенского времени, неизменяемой веры,
А также другие сюжеты подобного свойства.

В великих раздумьях они обнажают деревья,
Их скрытую листьями суть находя. И с разбега
Они замирают, в надежде увидеть свершенье
На чёрную землю с небес философского снега.

* * *

*...Но за плечами вздыбилась душа:
воскреснуть! И — пронзить собою небо!..*

Наталья Горбачёва.

Ей же посв.

Отболела душа. Стала тихим послушным зверьком,
Затаилась на время, пушистым свернулась клубком.

Фантастических крыл не видать никогда за спиной,
И уже всё равно, что за жизнь за картонной стеной.

Лишь бы крыша — ночлег, да какой-нибудь тихий сосед,
Да несуетный бег остающейся тысячи лет...

Но настанет момент, и услышу серебряный звон:
Возвратится Любовь. И душа обратится в огонь.

* * *

Погода памяти Филонова
аналитическими ливнями
действительность
(насквозь фотонную)
в единую слагает линию.

И Петербург промыт и радостен,
и Формула Весны получена.
В работе Павел Николаевич,
и всё опять вершится к лучшему.

* * *

Подбираю крошки разговоров
Птицей, ошалевшей от молчанья.
В небе — ни намёка на заборы,
На земле — тепло и пропитанье.

Над землёй хозяйничает ветер —
Что ему отмеренные годы?
В небесах свобода даже смерти.
На земле обычно смерть свободы.

* * *

И. Г. Бармину

Поезда здесь проходят не часто,
Не снижая стремительный ход.
А в лесу, по-особому счастлив,
Белый ангел бесплотный живёт.

И под звучное эхо капли,
Под шептанье лесного ручья,
Ангел тихо возносит хваленья,
И во сне ему вторит земля.

И на белые долгие вёрсты
В серебрящейся дымке ночной
Льют святые высокие звёзды
Благодатный небесный покой.

* * *

По ком опять звонят колокола?
Кого любовь народная хоронит?
Уже ты слишком многих приняла,
Российская земля! — в свои ладони.

Причисленные к облику святых,
Они уходят всё быстрее и тише...
Россия! Позаботься о живых!
О мёртвых позаботится Всевышний.

* * *

Помилуйте эти стихи,
Они заслужили прощенья,
Они не развеют сомненья,
Но, может, отпустят грехи.

Помилуйте эти стихи:
В бреду поэтической жажды
Мы много ненужного скажем,
И проводы будут легки.

Помилуйте эти стихи,
Помилуйте просто, спокойно,
Ведь с вами грядут к Рубикону
Творения вашей руки.

Помилуйте даже тогда,
Когда в невезенье гремучем
Все мысли о будущем лучшем
Схороним в себе навсегда.

Как те, может, милуют нас —
Которые были у цели,
Которые поздно прозрели
И больше не прятали глаз.

Как милуют нас потому,
Что мы одинокие дети
На этом блистательном свете,
Совсем погружённом во тьму.

Касаясь вселенской руки,
Осмыслим святое прощенье:
«Они заслужили прощенья.
Помилуйте ваши стихи».

Понимание

Ты — музыка светлых миров,
Тебя подбираю по нотам.
В незримости древних ладов
Сквозит обречённое что-то.

И я представляю уста,
Какие тебя целовали...
Как будто читаю с листа
Твоей задушевной печали.

Попытка предугадать

Сколько предстоит перелистнуть
Календарных дней до нашей встречи,
Чтоб однажды осенью под вечер,
Не успев как следует заснуть, —
Вздоргнуть от внезапного виденья,
Ясного, желанного виденья,
И услышать частое биенье
Сердца, призывающего в путь?
Выйти во владенья октября,
Задохнуться поздним вдохновеньем
И бежать вдоль сумрачных деревьев,
Сердцем безошибочно горя,
Слыша вечный зов — далёкий, близкий,
Издали увидеть сердцем, мыслью
Силуэт на фоне жёлтых листьев
В золоте при свете фонаря.

После слов

По жертвуй прямо́й своих глаго́лов
Молчанья́ ради дяще́гося до́льше
Произра́станья ёлочных иго́лок
И обра́щенья пустоши в юдо́ль ше-

стым по счёту́ бу́дет день неде́ли
Плестись послу́шно за и в э́том ритме
Закончатся слова́ на са́мом деле
В простран́стве косо́бокой пара́дигмы

Почти улетаю

Умирай, если в этом причина,
Оставляй без сомненья земное.
Пусть светло тебе будет и мирно
Проливаться в пространство иное.

Не спрошу об источнике силы,
Понимаю, что так наболело:
Очень больно небесно красивым
Быть в земном заколдованном теле.

Поэзия Крылатости

Душная ночь навалилась глухой чернотой,
Ни ветерка. И, пожалуй, отсюда не выплыть.
Снится рассвет, удручающ своей наготой, —
Мутный рассвет. Но его невозможно не выбрать.

Ночь без конца и начала. Да крыльев во тьме
Не различить, не узнать одинокую птицу.
Вся одержимость, влюблённость и нежность в тебе —
Всё помогало крылатости этой развиваться!

Боль — это первопричина рожденья души.
Так и жила — заболев, постепенно рождаясь...
Только Любовью обязана именно ей —
Боли! что сердце прожгла и стихом называлась.

Поэзия молчания

Прислушайся к звучанию тишины:
В ней отголоски многие слышны,
Картины, что ещё не воплотились,
И письма, что когда-то сожжены.

И музыка таинственных миров
По капельке в твою — прольётся — кровь.
И всё, что на земле ещё случится,
Ты сможешь предугадывать без слов.

Поэзия — твой страшный суд,
Уже сегодня, на Земле.
Стихи — из вечности грядут,
Они всеильны и в золе.

Не искупленье, а судьба —
Итог бессонниц роковых.
И в них ответственность твоя
За судьбы тысячей живых.

И в день посмертного суда
Придут — как ангелы — легки,
Чтоб за тебя замолвить «да!»,
Твои хорошие стихи.

Но самым страшным из грехов,
Всё перечёркивая вмиг,
Возникнет из черновиков
Один лишь злой, бездарный стих.

Поэзия, утерянная при переводе

Белел миндаль на холмах благосклонно,
И голос в профиль пел Благою Весть.
И звёзды не замедлили расцвести
На полотне ночного небосклона.

Окутаны зелёной тишиной
И спящий лес, и мшелые овраги...
Встревоженная шелестом бумаги,
На цыпочках стояла за спиной

И утекла сквозь пальцы, обманув
Тончайшим пряным запахом тимьяна,
Поэзия. Хоть не было изъяна
В тех торопливых строчках про луну.

И лишь песок струился золотым,
Впитавший восхитительную воду.
Поэзия — бесплотнее, чем дым —
Не терпит суеты и перевода.

Растут стихи как сон-трава,
Иду в траве по пояс...
Вплетаю в старые слова
Негромкий новый голос.

Плывут над миром облака
В необозримом небе...
И странна мысль, и далека,
Что, может быть, ich sterbe...

Ведь где-то на краю полей,
Бессмертие вещая,
Моей надежды соловей
Поёт, не умолкает!

А. М., П. Г.

Свечи догоревшей
Дымящийся образ
Так смутно печалит
Поникшее сердце,
И хочется только
Услышать ваш голос,
Его теплотой
Хоть немного согреться.

И новые свечи
Зажгут над столами,
И я возвращаюсь
В земную обитель
Бесплотней, светлее,
Чем жёлтое пламя.
— Ты кто?
— Я — ваш преданный
ангел-хранитель.

СКВОЗЬ СОН

Кого зовут ночные поезда,
Срываясь с якорей немых окраин?
И сердце — странник божий неприкаян —

.....

Врождённая слепая прапривычка —
В висках стучат колёсами года
Когда
Пронзает полночь электричка

.....

* * *

Спаси меня у края, у черты,
Когда все ветры мира так жестоки,
Когда вся привлекательность Дороги
Закончится пред ликом пустоты.

Позволь нечеловеческим рывком
Продолжить путь уже по бездорожью.
Пусть станет невозможное — возможно.
...а уж за дерзость заплачу потом.

Современник

Свидетель писем самому себе,
Немодный житель городских окраин, —
Ошибка в тексте, но давно исправлен
На прочерк — в своей собственной судьбе.

И вписан был в квадратный метр окна,
Как приложение к тёмным фоллиантам,
В укор тем философствующим франтам,
Чья жизнь так соблазнительно грешна!

Его пределы — старая кровать,
С которой, развалившись неподвзято,
Взирает, не умея возражать,
На небосвод, его окном распятый.

Строфы

*

Любовь — благословенье Божества,
Высокое прощение земное.
Любовь — невыразимостью права.

*

Сразу всем свечам не загореться,
Сразу всем надеждам не исчезнуть.
Если даже кто-то канул в бездну,
Значит, где-то застучало сердце.

*

Не жди ответа на незаданный вопрос...

*

От подоконника до облака
Дорога в несколько шагов
.....
и небеса совсем бездонные

*

Живи по-настоящему,
Люби — до отречения,
Желай непреходящего,
Гори — одно мгновение.

*

Дыши дождём, припав к оконной раме,
Позволь душе сквозь сжатые ладони
Отчалить в бесконечное Сегодня.

*

Дуновением свечу гасит предостереженье.
Напряжённейше молчу, ожидая продолженья:
Это ли сигнал тому, что написанные строфы
Завлекли меня во тьму у подножия Голгофы?

*

Страшно на излёте судьбы
понять,
что
летел
не туда.

*

«Ангел светлый, прости, послушай!»
Ангел белую кажет фигу.
И захлопнул крыла, как книгу:
«Не читайте чужие души!»

*

Когда случится вдруг не то,
В порыве гнева и обиды
Ты крикнешь: «Господи, за что?»
А я за всё скажу Спасибо.

Сюжет

Пустыня. Камни. Деревянный звук
Колодца, пересохшего задолго
До нашей эры (— тёмный полукруг
Бессмысленно торчащего осколка

Какой-то жизни, некогда ключом
Здесь бившей). Желтизна песков летальна.
Дороги прочно скрыты (ни при чём
Дороги, где Слепой Колодец — тайна).

Но Путник молча смотрит в глубину
Его (когда-то синих —) глаз (а ныне —
Пустых) и пьёт святую тишину,
Предчувствуя возмездие пустыни.

* * *

Там силуэт в оконном переплёте
К безумию застыл на полпути
Опасность усмотрел ли в перелёте
Или случилось вдруг не по пути

С простой доселе мыслью о сведенье
Счетов... Воспоминанье обожгло...
Господь упас... Слепое провиденье
Уберегло его... Уберегло...

И зыбкой тенью горького распятия
Казался контур смятого листа
Любовь минуя мысли о расплате
Сошла живая с этого креста

Он видел взглядом так же неуютным
Но потеплевшим от её свечей
Как падал белый снег апрельским утром
Не повторяя музыки ничьей

* * *

Успеешь не на свой трамвай,
Поймаешь чью-нибудь звезду,
Увидишь ли цветущий рай
Или окажешься в аду,

В ревуций городской поток
Нырнёшь гудящей головой,
На перекрёстке всех дорог
Помыслишь путь себе любой...

Пусть так. Но знай: твои глаза —
Две капли боли и Любви.
Будь ты хоть против, будь ты за —
Звени, пожалуйста, живи!

Фауст

В переулках рождается эхо
От случайного тихого вскрика
Словно нежный по имени оклик
Устремляется в синее небо
Выплывает из вечного моря
Светлый памятник чёрного моря
Явный образ туманного бога
Прежний голос забытого слова
От полночных шептаний и пауз
В переулках скитается эхо
И смеётся — невидимый Фауст —
Бесконечным особенным смехом

хитроска

И самая бездонная из бездн
Рокочет в улыбающемся сердце.
От синих запрокинутых небес
Мне никуда — замеченной! — не деться.

От края отойти, не погубя?
Твоя любовь крылами обнимает,
Но дерзости с рождения хватает,
Ещё мгновенье — и сорвусь в тебя.
Моя река с твоим сольётся морем,
Ему шепча без радости и горя:
М-е-м-е-н-т-о м-о-р-и...

Чёрно-белое

Всё однажды случится само
В час возвышенный и безмянный, —
Задрожит, открываясь, окно,
Озадачив беззвучностью странной.

Занавесок прольётся тоска —
Словно всплеск тишины белопенной,
Это в сердце впадает река,
Невпопад называясь Вселенной.

Чёрно-белое кино

Тонкий-тонкий лёд
Такой,
Что видны
Голубые прожилки
Воды.
А по льду
Папа идёт молодой,
Я кричу ему
— Стой,
Не ходи!
Но улыбается он
И идёт
И идёт
И идёт
По воде...

* * *

Что суждено — узнаем в свой черёд,
И лишнего вовеки не случится.
И сердце без труда переведёт
Слова Любви тобою ставшей птицы.

Да будет светел в памяти рассвет,
Вдруг обозначивший упругость и крылатость,
Твоей больной души невиноватость...
И бессмертность всех грядущих бед.

Чума

*...Осенью я чувствую себя прекрасно,
а вот весной бедный Лис страшно болен...*

Осенний Лис,
благодарю покорно,
не обернусь
весёлым и прозрачным,
апрельская чума
весьма упорна,
и время, знаю,
крайне неудачно

болеть, не вылезать,
молчать и хлопать
глазами, не писать,
не улыбаться,
не знать, что происходит
ни в Европе,
ни в Азии, ни здесь.
И не пытаться

напялить
прошлогоднюю улыбку —
она мала,
как после стирки брюки,
(каким уж там, не знаю,
шита льком,
но вся трещит по швам,
попавши в руки).

Осколок дня
раскрашен бирюзово,
ветрам без листьев
в городе просторно...
Всё очень скоро сдвинется,
не стоит,
благодарю, Осенний Лис,
покорно.

* * *

Я *просто* больше не умру
От мысли, лязгнувшей в висок.
И на смертельнейшем ветру
Твой поцелуй — до дна! — клинок —

Пройдёт, не повредив нутра,
И вскроет старые мечты,
И сердце выдохнет «пора»,
И откровеньем станешь ты.

.....

Ещё вчера бы всё не так.
Не говори — болезни роста.
Я — научилась умирать
Не *слишком* просто.

* * *

Я стремительно падаю в бездну
Тишиной зазвучавших ночей.
Удивительно светлые звезды
В глубине твоих чёрных очей.

Бесконечен ли путь, безначален,
Но посильна любая стезя,
Если ты, мой забывчивый ангел,
Утешая, заглянешь в глаза.